

Генезис романного мышления в русскоязычной кабардинской литературе 80-х годов XX века

Предпринята попытка «перечитать-переосмыслить» романы русскоязычного кабардинского прозаика М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамакхо» и «Ищи, где не прятал» на уровне современного литературоведческого опыта. Авторы акцентируют внимание на сложном, многогранном переплетении единого в своей основе собственно национального и русскоязычного литературного процесса. Такой подход позволяет увидеть новые грани художественных и социокультурных взаимосвязей в эволюции романного мышления. Отмечено, что особый интерес русскоязычного романа к истории связан с проблемой выбора народом своей судьбы. Важнейшим мерилом в северокавказской русскоязычной романистике остается развернутое вглубь народное мироощущение: это обстоятельство подчеркивает важность ориентации кабардинской литературы 80-х годов XX в. на народную мифологию, адыгский этикет, цикл сказаний о Жабаци Казанокко, просветительство, творчество классиков кабардинской литературы Али Шогенцукова и А. Кешокова. В работе использован комплексный подход, сочетающий в себе элементы типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа. Методы исследования: структурно-аналитический, синхронно-сравнительный, герменевтический.

Ключевые слова: русскоязычная кабардинская литература, романы М. Эльберда, художественное сознание, национальный характер.

The article is an attempt to “re-read and rethink” the novels of Russian-speaking Kabardian writer M. Elberd “Terrible way to Oshkhamakho” and “Look for where you didn’t hide” at the level of modern literary experience. The authors focus on the complex, multifaceted interweaving of a single, essentially self-national and Russian-language literary process. This approach allows us to see new facets of artistic and sociocultural interrelations in the evolution of novel thinking. The particular interest of the Russian-language novel in history is connected with the important problem of how people choose their own destiny. The most important criterion in the North Caucasian Russian-speaking Romanticism remains the widespread world perception of the people: this circumstance emphasizes the importance of the orientation of Kabardian literature of the 80s of the 20th century to folk mythology, Adyg etiquette, the cycle of legends about Zhabagi Kazanoko, enlightenment, creativity of the classics of Kabardian literature Ali Shogentsukov and A. Keshokov. The article uses an integrated approach. It combines elements of typological, systemic-holistic and historical-literary analysis. The research methods are structural-analytical, synchronous-comparative, hermeneutic.

Keywords: Russian-language Kabardian literature, M. Elberd’s novels, artistic consciousness, national character.

Введение

Становление личностного сознания и художественно-литературного мышления — процесс длительный и чрезвычайно сложный. Особую роль в нем играет преемственность различных типов художественного сознания, их генетическая связь с праисточками национальной литературы. «На рубеже XIX и XX вв. вызревают форма и содержание большинства северокавказских литератур, “опирающихся”, главным образом, на фольклорно-религиозное сознание народа, традиции Востока и русской советской классики, что определило линию эволюции творческой индивидуальности» [1. С. 110]. Анализируя тип современного художественного сознания в кабардинской литературе, необходимо в первую очередь выявить и уточнить мифопоэтическую роль и традиционную этику в становлении и развитии современной литературной образности.

Формообразующие возможности этикета, к которому восходят истоки «двухдомности», в развитии романного мышления можно проследить на творчестве М. Эльберда, для которого традиционный этикет (Адыгэ хабзэ) явился архетипом повествования, опытом художественной реконструкции своеобразия национальной жизни.

Результаты исследования и их обсуждение

К проблеме генезиса национально-художественного мышления

Особую ценность в истории развития культуры адыгов представляют цикл сказаний о Жабаги Казаного, труд Шоры Ногмова, а также творчество просветителей. В таких произведениях, как «История адыгейского народа» Шоры Ногмова или «Записки о Черкесии» С. Хан-Гирея, можно выявить характерные черты, которые позволяют отнести названные произведения к зарождению русскоязычной и национальной художественной литературы. Другая особенность процесса формирования будущей национальной культуры заключалась в том, что адыгским просветителям оказался близок сам тип русской литературы, которая, в отличие от европейских литератур, была для своего народа больше чем литература. В начале XIX в. описание этногенеза адыгов, даже если оно не представляется на сегодняшний день строго научным, а главное, повествование о междоусобицах адыгских князей, о борьбе адыгов с внешней опасностью заставляют писателя-историка искать идеального для народа правителя. Таким в изображении Шоры Ногмова предстает князь Инал, которого он сравнивает с киевским князем Ярославом Мудрым, как позже Темрюка Идарова — с Иваном Грозным, подчеркнув, что названные князья сыграли в жизни адыгов ту же роль, что и в истории России ее мудрые и грозные правители.

Художественные открытия, достижения и противоречия в самом литературном процессе, творчестве отдельных писателей и художественных произведениях определяются сложным политическим и культурным синтезом, лежащим в основе национально-художественного мышления. В этой связи важно заметить, что истоки творчества восходят не только к мифу и эпосу, не только к национально-языковой стихии, но и к традиции русскоязычной прозы и одновременно к русской литературе, являющейся почвой поэтического двоемирия художника.

В поэтическом мире Али Шогенцукова приходят в соприкосновение мифопоэтическое мышление адыгов и романтический опыт, уже ставший традицией для русской литературы. Обращение к русской литературе дает Али Шогенцукову еще одну возможность освоения национальных и инациональных архетипов. К примеру, метель в русской литературе — природное воплощение социальной стихии («Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Двенадцать» А.А. Блока и др.). И в его балладе «Зимняя ночь» [2] метель воплощает социальную стихию: разрушение традиционного космоса адыгов и многовекового этикета народа. «Экзотический» для кабардинцев русский поэтический космос (основа романтического двоемирия) трансформирует и национальное художественное сознание, уводя в подтекст традиционные для адыгов культурные концепты. В утвержденной Али Шогенцуковым в «Зимней ночи» и закрепленной в дальнейшем его творчестве национальной поэтике все же ощущается некоторая «разорванность» связи национально-художественного мышления с эпическим сознанием народа. И это определит движение кабардинской литературы к эпическому синтезу. А. Кешоков в своем этапном для кабардинской литературы произведении — эпопее «Вершины не спят» [3] — возвращает литературе эпически целостное мировосприятие и по-новому озвучивает все звенья национальной традиции.

Поиски жанровой сущности и формы у А. Кешокова уходят своими корнями в мифопоэтическое сознание, адыгский этикет и русскую литературу, а через нее — в европейскую предысторию формирования романного мышления и самого жанра романа. И здесь одним из слагаемых художественности названной эпопеи служит преемственность опыта первых адыгских романистов. Вспомним традицию приема «нитки и бусинки» («Декамерон» Боккаччо). А. Кешоков наполнил национальное по форме повествование новым кругом проблем и идей, органически соединив в структуре эпопеи национальное и инациональное начала. На этом этапе развития кабардинская литература подчинялась закономерностям развития всемирной литературы, где эпопея предшествовала зарождению и становлению романа как жанра и рождалась на основе «эпического состояния мира» (Гегель).

Проблема изменения жанра романа на основе трансформации и преемственности различных типов художественного сознания заслуживает особого внимания. В различных литературах путь к романному жанру при общих закономерностях оригинален. Рождение национальных литератур начиная с романа, частое в рамках региона народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, определяется осознанной позицией к культуре прошлого, в правильной ориентации на которую сыграли свою роль и другие литературы, а также многонациональный литературный процесс.

Особенное в романистике М. Эльберда

Роман М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» (1980) [4] построен на внутренней полемике с привычным уже в собственно кабардинской литературе историческим жанром, где авторы тяготеют (чаще бессознательно) к этнографическим подробностям, к идеализации изображаемой действительности. Они находятся в плену «абсолютного прошлого», как сказал бы М. Бахтин [5]. Такова закономерность развития литературы, основой которой является героический эпос и этикет. М. Эльберду удается нарушить эту свойственную для кабардинской литературы ценностно-временную дистанцию.

Созерцатель как герой и повествователь в «Страшном пути на Ошхамахо» воплощает в себе мудрое «всеведение», но сохраняет при этом и напряженную эмоциональность, то трагическое, то возвышенное восприятие истории своего народа. Такой тип повествователя, как представляется, характерен для восточных традиций. Хотя здесь отчетливо прослеживается и традиция Л. Толстого, прежде всего «Хаджи-Мурата» и в какой-то мере «Войны и мира», для которых исследователи давно определили авторскую позицию как позицию всевидения и всезнания.

Структура романа Эльберда характеризуется любопытным соотношением мифа и притчи. Роль притчи в романе определяется не только углублением в миф, не только использованием традиции самой притчи, но и традициями просветительства, русскоязычной прозы XIX в. В структуре романа соотнесены адыгские обычаи, этикет, предания. Национальный мир показан глазами самих адыгов, реже — через их внутренний мир (исповедь Мысроко, внутренние монологи Канболата, Жабаги Казаноко и др.) и с точки зрения на него русского и европейских народов, а над ними — с высоты иного времени — позиция Созерцателя с его современной рефлексией на изображаемые события.

Следует отметить и другую особенность романа М. Эльберда. Ирония пронизывает его сюжетную структуру — историю появления и таинственного исчезновения панциря с его оставшейся загадочной «священной надписью в длину кинжала», стянувшей в тугой сюжетный узел не только судьбы людей, непосредственно соприкоснувшихся с сокровищем, но и исторические судьбы народа. В патетических словах Созерцателя выражена трагическая рефлексия современника XX в., осмысливающего кровавые пути своего народа. Это голос современника, сохраняющего память народа, рассматривающего его историю в свете сегодняшнего дня. Столкновение, противоборство и слияние двух точек зрения (иронической и патетической) — важная составляющая в эволюции романного мышления [6].

В романный хронотоп писателем органически включены фольклорные герои, жившие в разное время. Нельзя отказать такой задаче в смелости. Ведь тем самым преодолевается фольклорное клише, когда типизация осуществлялась на уровне, предполагающем трактовку фольклорного идеала как извечной данности. У Эльберда же идеал наполняется реальным конкретно-историческим содержанием.

Развернув микросюжет из ногмовской «Истории адыгейского народа» [7] с ее тяготением к «золотому веку» адыгов, М. Эльберд в «Страшном пути на Ошхамахо» сводит все сюжетные линии к Жабаги Казаноко — «человеку из будущего». Таким образом автор вводит в романное пространство две равновеликие, равнозначные для национальной истории фигуры: Шору Ногмова и Жабаги Казаноко. Диалог двух, казалось бы, полярных устремлений позволяет автору

четко сформулировать основную мысль романа: несмотря на «страшный путь» к своему счастью, народ вынес стройную систему взглядов на мир и человека — адыгский этикет, вобравший в себя лучшие качества национального характера.

Если в «Страшном пути на Ошхамахо» М. Эльберд воссоздает национальную историю не столько хронологически (мифологизированная история и реально существовавшая личность Жабаги Казаноко), а порой ради художественных целей прибегает даже к нарочитому отклонению от реальных фактов, то в романе «Ищи, где не прятал» [8] в центре внимания крупное историческое событие и легендарная фигура Цукары-костоправа. При наблюдающемся различии художественного строя этих романов поэтическая интерпретация истории и в том, и в другом произведении верна не букве, но духу изображаемого.

Роман «Ищи, где не прятал» (1990) — художественная интерпретация истории появления кабардинского посольства на Руси в то далекое время, когда «солнечным июльским утром в лето от сотворения мира 7065-е, от рождества Христова 1557-е, по Хиджре — 935-е в Москве произошло событие, историческая поучительность и межнациональное своеобразие которого не были оценены по достоинству ни просвещенными современниками, ни историографами последующих веков, в том числе и обладателей славных и почитаемых имен» [4. С. 251]. Об этом событии написано немало, но все-таки достаточно изученным его не назовешь.

Романы М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» и «Ищи, где не прятал» играют заметную роль не только в преодолении упомянутого стереотипа мышления, но и в возвращении национальной истории ее ауры, а человеку — целостности его мироощущения.

Хотя М. Эльберда часто упрекали в вольном обращении с фактами, художественное постижение закономерности, необходимости взаимотяготения России и Кабарды в романе «Ищи, где не прятал» вытекает из верного понимания писателем общих для двух стадияльно типологичных политических образований внутренних проблем единения, реализация которых, естественно, осложнялась органической связью с общечеловеческими представлениями и конкретно-историческими потребностями других народов.

Оба романа можно отнести к известной философско-этической разновидности жанра, строго ориентированного на нравственное совершенствование мира, на поиски новой гармонии отношений в обновленном обществе, просвечиваемого тремя временными пластами: прошлым, настоящим, будущим. Основой этой нерасторжимой связи времен в романе служит адыге хабзэ (этикет). В этом смысле показательны слова Цукары — идеального носителя принципов национального этикета в романе, преисполненные тем не менее общечеловеческим звучанием и действенным историзмом в понимании отношений к другому народу, к человеку иного племени:

Даже у двух соседей огонь в очаге по-разному горит. Ты увидишь совсем другую землю, другой народ. Там все не так, как у нас. Но, если не так, это не значит неправильно или плохо [8. С. 234].

Таким образом, этикет составляет в творчестве М. Эльберда основу увлекательного сюжета, духовной целостности героев, является архетипом и формообразующим фактором повествования.

Интересен в этом смысле предлагаемый автором в качестве нравственного эксперимента случай в Аю-Оруне, когда на узкой площадке действия сталкиваются недоступные пока друг для друга политические устремления большого мира и национально-общечеловеческий пафос этикета. Но в конце концов универсальное мироосвоение, «переорганизовав» общество Аю-Оруна по принципу единого Дома, преодолевает признаки сословной иерархии (потому что, как сказал М. Лермонтов, «не власть его основа — мненье!») и утверждает истинную ценность и дальнейший путь каждого. Примечательно, что отмеченная стилевая тенденция романа находит свое решение и в ироническом ключе, обретая при этом многомерность повествования. К примеру, парафраза на историю с ньютоновским яблоком:

А в это самое время в Кансауке я, Хыжа-землемер, помогал в княжеском саду околачивать груши, и один тяжелый, очень твердый плод упал мне на темя с верхушки высокого дерева. Шапка смягчила удар, но все же в голове что-то перевернулось – возможно, стало на свое место – и мой полусонный разум вернулся к полноценной деятельной жизни [4].

Случай, который вывел Хыжу-землемера из эпически циклического восприятия времени, является одновременно для адыгов новым историческим путем развития. Или, скажем, игра эпиграфами. Автором сопоставляется-противопоставляется эпическое (алогичное) и историческое (разумное) прочтение действительности. Но при этом «алогичное» и «разумное» часто меняются смыслами.

Пристальный интерес М. Эльберда к истории не локализуется в прошлом, а тесно связан с современностью, но порой все же ощущается смещение авторской позиции в сторону не столь отдаленного от нас 1957 г. Отсюда некоторая подогнанность ответа под «добровольность присоединения», предопределенность развития сюжета, идиллическость взгляда автора, скользящего поверх драматических событий, имевших место после 1557 г. Но, правда, уже в самом обращении к теме русско-адыгских связей, еще не замутненных имперскими амбициями, можно видеть «поэтическое правосудие» (К. Маркс) нарушенных впоследствии отношений между Россией и Кабардой.

Важно также напомнить, что роман «Страшен путь на Ошхамахо» обогащает национальную поэтику выходом не только на эпико-мифологическую традицию, но и на традиции русскоязычного просветительства.

Заключение

На пути своего развития кабардинская литература «повторяет» не только направление развития мировой литературы, но и самодвижение соотношения «миф — эпос — этикет» к личностному сознанию. В этой связи первостепенная задача современного литературоведения — обретение концептуального взгляда на литературу. Неодинаковые художественные системы, исповедуемые представителями разных поколений, необходимо воспринимать и синхронно, и диахронно.

Подобный подход позволяет критике и литературоведению выявить закономерности развития новописьменных литератур (в том числе русскоязычной кабардинской), их основную специфику — развернутое вглубь народное мироощущение; главным ориентиром в этом для кабардинцев (адыгов) может стать этикет с его национально-общечеловеческой направленностью и сущностью, еще способный противостоять ослабляющему воздействию новых социальных мифов.

Литература

1. *Тхагазитов Ю.М., Казиева А.М., Узденова Ф.Т.* Литературный процесс 20–30-х гг. XX в. и становление творческой индивидуальности (на материале северокавказской поэзии) // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы.* 2020. № 2. С. 110–114. DOI: 10.20339/PhS.2-20.110.
2. *Шогенцуков А.А.* Сочинения. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 541 с.
3. *Кешоков А.П.* Собрание сочинений: в 44 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 845 с.
4. *Эльберд М.* Страшен путь на Ошхамахо. М.: Советский писатель, 1987. 384 с.
5. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
6. *Казиева А.М., Калабергена А.К.* Картина мира жанра и историко-поэтический процесс // *Университетские чтения — 2016: материалы конф. ПЛУ.* 2016. С. 31–36.

References

1. *Thagazitov Yu.M., Kazieva A.M., Uzdenova F.T.* Literaturnyi protsess 20–30-kh gg. XX v. i stanovlenie tvorcheskoi individual'nosti (na materiale severokavkazskoi poezii) // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly.* 2020. No. 2. S. 110–114. DOI: 10.20339/PhS.2-20.110.
2. *Shogentsukov A.A.* Sochineniia. Nalchik: El-Fa, 2006. 541 s.
3. *Keshokov A.P.* Sbranie sochinenii: v 44 t. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981. T. 1. 845 s.
4. *Elberd M.* Strashen put' na Oshkhamakho. Moscow: Sovetskii pisatel', 1987. 384 s.
5. *Bakhtin M.M.* Voprosy literatury i estetiki. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975. 502 s.
6. *Kazieva A.M., Kalabergenova A.K.* Kartina mira zhanra i istoriko-poeticheskii protsess // *Universitetskie chteniia — 2016: materialy konf. PGLU.* 2016. S. 31–36.

8. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Кабардино-Балкарское книж. изд-во, 1958. 240 с.

9. *Эльберд М.* Ищи, где не прятал. Нальчик: Эльбрус, 1990. 341 с.

7. *Nogmov Sh.B.* Istoriia adykheiskogo naroda. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizh. izd-vo, 1958. 240 s.

8. *Elberd M.* Ishchi, gde ne priatal. Nalchik: Elbrus, 1990. 341 s.

Тхагазитов Юрий Мухамедович,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт гуманитарных
исследований — филиал
Кабардино-Балкарского
научного центра РАН

Thagazitov Yuriy M.,
Doctor of Philology, Leading
Researcher
of Institute of Humanitarian
Studies — branch
Kabardino-Balkar Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences

e-mail: yutkhag@gmail.com

Казиева Альмира Магомедовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры словесности
и педагогических технологий
филологического образования
Институт переводоведения
и многоязычия
Пятигорского государственного
университета

Kazieva Almira M.,
Doctor of Philology, Professor
of the Literature and
Pedagogical Technologies
Department
of Institute of Translation and
Multilingualism
Pyatigorsk State University

e-mail: kazieva@pgu.ru

Узденова Фатима Таулановна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований — филиал
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Uzdenova Fatima T.,
Candidate of Philology, Senior Scientific Researcher
of Institute of Humanitarian Studies — branch
Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

e-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

